

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.7

УДК 338.1 | ББК 65.49

© Басова Е.А., Рассадина М.Н.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ РФ)

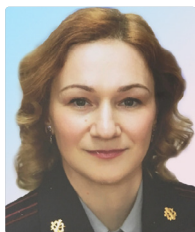
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БАСОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: elbas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2817-5454; ResearcherID: AAD-4911-2020

МАРИАННА НИКОЛАЕВНА РАССАДИНА

Вологодский институт права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний России

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: mrassadina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3923-3931

В современных условиях становления информационного общества страна не может успешно развиваться на экономике эксплуатации природных ресурсов. Следует базировать развитие на экономике знаний, одним из основных компонентов которой выступает образовательный уровень населения. Основной целью представленного исследования является определение ключевых региональных трендов, а также негативных факторов в образовательной сфере российских территорий, тормозящих формирование экономики знаний. Авторами изучена роль образования в становлении экономики знаний. Исследовано место России в межстрановых рейтингах по уровню развития образования и университетских комплексов. По итогам проведенного за период с 2010 по 2018 год анализа определены ключевые тенденции развития образования РФ в межрегиональном контексте. Показано, что недостаточный уровень государственного финансирования образования, высокий уровень платных образовательных услуг, а также низкий уровень пространственной доступности учреждений образования являются ключевыми причинами, ограничивающими образовательные возможности населения российских регионов. Обосновано,

Для цитирования: Басова Е.А., Рассадина М.Н. Проблемы современного образования в контексте формирования экономики знаний (на примере регионов РФ) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 3. С. 107–126. DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.7

For citation: Basova E.A., Rassadina M.N. Modern education problems in the context of the knowledge economy formation (the case of Russia's regions). *Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 107–126. DOI: 10.15838/ptd.2021.3.113.7

что у выпускников образовательных организаций знания зачастую не сопровождаются высоким уровнем профессиональных компетенций. Это вызывает необходимость сонастройки стандартов образования и требований региональной бизнес-среды. В работе представлены субъективные оценки удовлетворенности населения РФ и европейских стран качеством обучения, изучены проблемы в сфере образования, вызванные пандемией, в т. ч. на данных социологического опроса населения Вологодской области. Высказано предположение о наличии перспектив для развития экономики знаний в РФ в части расширения ИТ-сектора и наукоемких производств. Сделан вывод о необходимости развития непрерывного профессионального образования.

Экономика знаний, региональное образовательное неравенство, профессиональные навыки и компетенции, университеты, межрегиональная оценка.

Введение

В условиях экономики инновационного типа уровень социально-экономического развития территорий определяется знаниями и человеческим капиталом. Высокая степень распространения информационно-коммуникационных технологий и их внедрение в различные сферы жизнедеятельности общества обуславливают возрастающую роль образования. Знания, информация, интеллектуальный капитал человека выступают полноправными факторами производства, играя все более заметную роль в структуре национального богатства. В современных условиях глобализации центральным ресурсом, определяющим конкурентоспособность страны и ее регионов, становятся не богатые природные ресурсы или величина финансового капитала, а накопленный обществом уровень знаний. Государства, не владеющие подобным ресурсом, обрекают себя на вечную ценовую зависимость со стороны развитого мира [1; 2].

Самая высокая доля наукоемких производств приходится на США, что позволяет этой стране многократно увеличивать объемы экспорта в долларовом эквиваленте. Согласно высказыванию главы ФРС США Алана Гринспэна в 1997 году, «за последние 100 лет физическая масса американского экспорта в ежегодном выражении осталась фактически неизменной, при том что ее реальная стоимость выросла в 20 раз» [1, с. 258].

В течение 1970–2019 гг. экспорт США в текущих ценах вырос на 2455,0 млрд долл. (в 42 раза) до 2514,8 млрд долл.¹ Общеизвестно, что экспортировать ресурсы в отличие от наукоемких товаров невыгодно. Наглядным подтверждением тому служат сравнительные оценки председателя комитета Торгово-промышленной палаты РФ по научно-техническим инновациям и высоким технологиям В. Евтушенкова, высказанные им около 20 лет назад, но не потерявшие значимости и в наши дни. «Если одна тонна сырой нефти приносит до 20–25 долларов прибыли, а килограмм авиационной техники – до 1 тыс. долларов, то килограмм наукоемкого продукта в отраслях высоких технологий (электроника, промышленность средств связи и т. д.) позволяет извлекать уже до 5 тыс. долларов прибыли»².

В российских экспортных поставках доля готовой продукции, по состоянию на 2019 год, сохраняет незначительную величину (2–5%), в то время как доля минеральных продуктов существенно больше (около 53%). При этом 30% в импорте РФ занимают поставки машин, оборудования и аппаратуры из других стран, в т. ч. на Китай приходится 37% импорта данной группы товаров, Германию – 11%, Италию – 6%³. Более того, если Индия экспортирует математические программы на сумму 120 млрд долл. (по данным на 2016 год), то Россия – только на 10 млрд долл. Объем индийского экспор-

¹ Макроэкономические исследования. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/export/us.html> (дата обращения 10.03.2021).

² Евтушенков В.Е. Нефтедоллару придется потесниться // Россия в глобальной политике. 2003. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/neftedollaru-bridetsya-potesnitsya> (дата обращения 10.03.2021).

³ Экспорт и импорт России по товарам и странам. URL: <https://ru-stat.com/analytics/6556> (дата обращения 10.03.2021).

та по указанному направлению не только превышал суммарный экспорт российско-го газа, черных и цветных металлов, но и в шесть раз превосходил оборонный экспорт из РФ [2, с. 191].

Возрождение экономики лежит в плоскости повышения образовательного потенциала граждан и развития науки, а также сокращения регионального образовательного неравенства. Ни одно государство не может достичь устойчивого экономического развития без значительных инвестиций в человеческий капитал. Знания и навыки, полученные в рамках образовательных программ, являются источником формирования конкурентных преимуществ в стране (регионе, организации). Согласно исследованиям ОЭСР [3, с. 95], образованная рабочая сила имеет важное значение для роста инвестиций. Более того, образованная рабочая сила и применение новых технологий приводят к повышению производительности. По данным Международной организации труда, один дополнительный год обучения выше среднего уровня образования в стране может увеличить производительность труда до 5–15%.

В экономике знаний первостепенное значение имеют профессиональные навыки и личностные компетенции, а также умения и способности к систематизации, анализу и визуализации данных. Однако следует учитывать, что невозможно получить знания раз и навсегда. В условиях постоянно прирастающей информации необходимо регулярно повышать собственные компетенции и актуализировать знания, выходящие за рамки узкопрофессиональной компетенции. По оценке ученых, знания удваиваются каждые семь лет, а это значит, что знания, полученные студентами в первый год обучения, будут устаревать к окончанию университета [3, с. 92]. В связи с этим особенно важно развивать актуальные навыки у студентов, что позволит выпускникам адаптироваться к изменениям с учетом про-

странственных и отраслевых особенностей территорий.

Образование выступает ценным благом для населения и общества с точки зрения внутренней ценности приобретения знаний и как инструмент влияния на индивидуальное благосостояние (например, на успешность на территориальном рынке труда). Однако вне зависимости от образовательной цели возможности населения на образовательном рынке должны быть равными [4; 5]. С одной стороны, образование существенно влияет на жизненные шансы человека с позиции «успеха на рынке труда, подготовки к демократическому гражданству и общего человеческого процветания»⁴, с другой, жизненные шансы детей не должны определяться обстоятельствами их рождения, такими как социальный класс, раса, пол, территория проживания [6–8]. Точное значение знака равенства в образовательных возможностях различных слоев, групп населения неизвестно и до сих пор является предметом научных дискуссий [9]. Однако обязательным условием эффективности в экономике знаний выступает равенство возможностей [1; 2] как в территориальном, так и в личностном контексте.

Очевидно, что неравенство (региональное, индивидуальное и т. д.) в образовательной сфере формирует неравные жизненные возможности. Доказано, что наличие образования влияет на уровень здоровья граждан. Дополнительный год обучения увеличивает IQ человека на 3–5 баллов, что положительно сказывается на продолжительности жизни⁵. Отмечается сильная корреляция между уровнем образования и гражданским участием. Образованное население имеет больше возможностей для реализации гражданских навыков. Оно более активно в политическом выборе, чаще принимает участие в голосовании, что важно для развития демократических обществ [10, с. 438].

Качество и доступность образования, в т. ч. в межрегиональном контексте, явля-

⁴ Shields L., Newman A., Satz D. Equality of Educational Opportunity. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/equal-ed-opportunity> (accessed 09.02.2021).

⁵ Коэффициент интеллекта влияет на продолжительность жизни. URL: <https://peptidehit.blogspot.com/2012/01/blog-post.html> (дата обращения 09.02.2021).

ются основными критериями, позволяющими судить о качестве человеческого потенциала. Если ранее имевшие образование относились к привилегированному классу общества и его получение не было зачастую экономически продуктивным, то сейчас человеческий потенциал определяется уровнем специализированного знания⁶, а уровень образования играет решающую роль в построении экономики инновационного типа. В связи с этим создание многоуровневой системы национального образования рассматривается как важнейшая задача в современных условиях глобализации при соблюдении требований национальной безопасности⁷. Вопрос состоит в том, какие проблемы в современном российском образовании существенно осложняют формирование экономики знаний, какие факторы выступают ингибитором роста образовательного потенциала населения российских регионов.

Теоретические аспекты исследования сферы экономики знаний

Вопросы развития экономики знаний на протяжении последних лет активно исследуются российскими и зарубежными учеными. Значительный вклад в разработку теоретико-методологических основ становления экономики знаний внесли С.Л. Брю, Р. Дорнбуш, П. Колье, Г. Леман, Ф. Махлуп, К. Поппер, П. Ромер, К. Смит, С. Фишер, Д. Форей, М. Фридман, Э. Хансен, Й. Шумпетер, Ф. Эндрюс и др. Проблемы формирования экономики знаний и ее региональные аспекты освещены в трудах отечественных ученых-экономистов: Л.И. Абалкина, А.М. Варшавского, А.В. Горшкова, А.Г. Гранберга, Б.К. Злобина, Д.С. Львова, В.Л. Макарова, С.Г. Струмилина, А.И. Татаркина, В.П. Чичканова, С.С. Шаталина и др.

Понятие «экономика знаний» предложено Ф. Махлупом в середине XX века [2; 11–14]. Согласно определению Всемирного банка, под экономикой знаний понимается экономика, которая создает, распространяет и использует знания для ускорения собственного роста и повышения конкурентоспособности⁸. Тождественными экономике знаний являются такие понятия, как общество знаний, «умная» экономика, информационное общество и высокотехнологическая цивилизация [12; 13]. Следует отметить, что экономика приобретает черты экономики знаний только тогда, когда знания приобретают свойства рыночного продукта, становятся объектом купли-продажи с характерной полезностью на рынке [14, с. 145].

Постоянное создание новаций и практическая реализация нововведений формируют значительные преимущества в конкурентной борьбе различных субъектов экономики (предприятий, регионов и страны в целом). Повышение уровня жизни граждан обуславливает необходимость непрерывной работы по улучшению продукции, услуг, а также совершенствованию производственных и управленческих функций на основе инноваций и инновационных технологий⁹. Основой экономики знаний являются следующие направления: НИОКР и инновации, образование и обучение, здравоохранение и биотехнологии, информационные и компьютерные технологии [2; 14].

Наряду со сферой здравоохранения образование, обладая мультипликативным эффектом, гарантирует мощный толчок социально-экономическому развитию страны [15, с. 69]. Более того, образование способствует увеличению интеллектуальной составляющей человеческого капитала, который затем распределяется через социальные и академические связи, учреждения

⁶ Драганчук Л.С. Образование и развитие человеческого капитала в России // Проблемы современной экономики. 2011. № 1 (37). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3447> (дата обращения 10.03.2021).

⁷ Kharlamov A.V. Development of the Educational System and the Priorities of the Knowledge Economy. URL: https://www.researchgate.net/publication/342881195_Development_of_the_Educational_System_and_the_Priorities_of_the_Knowledge_Economy (accessed 10.03.2021).

⁸ Гаврилова И.В. Захарова К.В., Малащенко Т.А. Понятие и характеристика экономики знаний, необходимые условия ее формирования // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). С. 655–659. URL: <https://moluch.ru/archive/114/29877> (дата обращения 06.02.2021).

⁹ Там же.

Таблица 1. Индикаторы сферы экономики знаний в России и развитых странах, % к ВВП, 2016 год

Доля отдельных отраслей и экономики знаний	Страны G7*	Россия	Швеция	Финляндия
НИОКР	2,5	1,1	3,9	3,4
Образование	8,0	4,0	7,3	6,8
Здравоохранение и биотехнологии	10,0–14,0	5,0	11,0	10,0
Информационно-коммуникационные технологии	8,0	3,0	8,7	8,4
Экономика знаний в целом	30,0	13,0	31,0	30,0

* США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Канада.
Составлено по: Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М.: Дело, 2020. С. 196.

высшего образования¹⁰. Однако, несмотря на то, что в эпоху экономики знаний изменились требования к стандартам и механизмам обучения, многие выпускники после окончания вузов сталкиваются с проблемой трудоустройства по причине отсутствия необходимых компетенций. Следовательно, важной задачей для университетов становится нахождение баланса между теорией и практикой, т. к. инновационная экономика требует не только теоретических знаний, необходимых для формирования мировоззрения, но и знаний прикладного характера для реальной профессиональной деятельности [16; 17].

Информационной базой исследования послужили официальные информационные ресурсы Федеральной службы государственной статистики России по вопросам состояния образовательной сферы регионов РФ, специализированные издания НИУ ВШЭ в области индикаторов образования, информация федерального статистического наблюдения по условиям жизни населения¹¹, а также результаты Европейского социального исследования¹².

Основные результаты исследования

Ведущие ученые сходятся во мнении, что наиболее явными признаками перехо-

да к экономике знаний являются инвестиции в знания, которые растут быстрее, чем инвестиции в основной капитал¹³. К концу XX века сфера экономики знаний по темпам прироста опережала промышленность и превысила 20-процентный рубеж в формировании ВВП. В развитых странах несколько десятилетий назад экономика знаний превратилась в главный локомотив социально-экономического развития. Человеческий капитал приобретал все более значимую роль в формировании национального богатства. Особенно это стало заметно со второй половины XX века, когда человеческий капитал стал постепенно превалировать над объемом не только природных ресурсов, но и основного капитала. Если в 1860 году доля человеческого капитала в структуре национального богатства развитых стран составляла порядка 22% (природных ресурсов – 45%, физического капитала – 33%), то к 1950 году – уже 48% (20 и 32% соответственно), а к 2015 году зафиксирована на уровне 80% (по 10% на каждый из ресурсов соответственно) [2, с. 182–184].

Доля российской науки в объеме ВВП страны, по состоянию на 2016 год, составляла примерно 1% (табл. 1). Образование и здравоохранение (с учетом частной медицины) также формировали невысокую долю: порядка 4 и 5% соответственно. В итоге сум-

¹⁰ Budrin A., Soloveva D., Bylugina A., Shatokhina D. Integrated educational projects as a methods of human capital development in the knowledge economy. IOP Conference Series Materials Science and Engineering. October 2020. DOI: 10.1088/1757-899X/940/1/012102 (accessed 03.03.2021).

¹¹ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения 05.03.2021).

¹² Европейское социальное исследование. URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения 05.03.2021).

¹³ Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России. URL: http://www.labrate.ru/articles/makarov_knoledge-economy-2003.htm (дата обращения 12.03.2021).

марная доля сферы экономики знаний в ВВП России была не более 13% (или 12 трлн руб.), значительно уступая показателям стран G7, где экономика знаний формировала ВВП в среднем на треть.

По уровню индекса экономики знаний (The Knowledge Economy Index, KEI), определяющего эффективность использования страной знаний в целях развития, Россия занимала срединное положение (55 место из 188 стран в 2012 году). В пятерку лучших в рейтинге вошли Швеция, Финляндия, Дания, Нидерланды, Норвегия. Индекс знаний (The Knowledge Index, KI), характеризующий способность страны создавать, принимать и распространять знания, по состоянию на 2012 год составлял значение на уровне 6,96¹⁴. По индексу уровня образования¹⁵ (Education Index), являющегося комбинированным показателем Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и важной компонентой при расчете индекса человеческого развития (Human Development Index), Россия в 2018 году находилась на 33 строчке рейтинга (из 188 стран) с индексом 0,832 между Грецией (32 место с индексом 0,833) и Лихтенштейном (34 место; 0,827). По мнению А.Г. Аганбегяна, лучшие показатели уровня образования в РФ по сравнению с эффективностью их использования объясняются тем, что «знания у нас не сопровождаются высокой компетенцией, умениями и навыками» [2, с. 197].

По индексу освоения знаний (Knowledge absorption), который рассчитывается в рамках Глобального инновационного индекса

(Global Innovation Index), наша страна занимает 35 место из 126 стран мира со значением на уровне 38,1 против 53,3 пункта у лидера рейтинговой оценки (Швейцарии). Еще хуже ситуация обстоит с величиной индекса распространения знаний (Knowledge diffusion): Россия находится лишь на 51 месте (21,5) против 3-го места у Швейцарии (76,9)¹⁶.

В целях сравнительной оценки уровня развития образовательных систем в различных странах составляется рейтинг национальных систем высшего образования (Институт прикладных экономических и социальных исследований Университета Мельбурна, Австралия). Рейтинг объединяет 24 показателя по четырем группам: ресурсы (финансирование), результаты (научные исследования и публикации, трудоустройство выпускников и др.), связи (уровень международного сотрудничества) и среда (государственная политика, доступность образования). Согласно данным на 2020 год, в рейтинге 50 стран мира Россия занимала 35 место, несколько улучшив свои позиции с 2012 года (табл. 2).

Решающая роль в создании и поддержке инноваций и передаче знаний закреплена за университетами. Они признаются важными центрами производства знаний, основной миссией которых является наделение студентов знаниями и навыками, необходимыми в деловом мире. Однако результаты многочисленных отечественных и зарубежных исследований подтверждают тезис о наличии большой пропасти между необходимыми профессиональными компетенциями

¹⁴ Индекс знаний рассчитывается на основе средней из трех показателей: инновационный потенциал и технологическое развитие (Innovation and Technological Adoption), система образования и подготовка кадров (Education and Training), ИКТ-инфраструктура (Information and Communications Technologies (ICT) Infrastructure). Индекс экономики знаний в дополнение к указанным трем подиндексам включает показатель «Экономические стимулы и институциональная среда» (Economic Incentive and Institutional Regime (EIR)) и также рассчитывается на основе среднеарифметической. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/indeks-ekonomiki-znaniy/#tabs|Compare:Points> (дата обращения 18.04.2021).

¹⁵ Данный индекс не характеризует доступность или качество образования, но позволяет оценить успехи страны с точки зрения достигнутого ее гражданами уровня образования по двум индикаторам: индекс грамотности взрослого населения и индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образование. Источник: Рейтинг стран мира по уровню образования // Гуманитарная энциклопедия: исследования. Центр гуманитарных технологий, 2006–2021. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index> (дата обращения 11.03.2021).

¹⁶ Индикаторы цифровой экономики: 2019: стат. сб. / Г.И. Абдрахманова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 248 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/06/25/1490054019/ice2019.pdf> (дата обращения 12.03.2021).

Таблица 2. Рейтинг национальных систем высшего образования

Страна	2012 год		Страна	2016 год		Страна	2020 год	
	ранг	балл		ранг	балл		ранг	балл
США	1	100	США	1	100	США	1	100
Швеция	2	84	Швейцария	2	87,2	Швейцария	2	90,1
Канада	3	83	Дания	3	84,2	Дания	3	85,7
Финляндия	4	82	Великобритания	4	84,8	Сингапур	4	84,5
Дания	5	81	Швеция	5	82,2	Швеция	5	84,3
...
Греция	29	55	Венгрия	31	51,6	Польша	32	52,6
Италия	30	54	Польша	32	50,8	Венгрия	33	51,3
Болгария	31	53	Чили	33	49,7	Южная Африка	34	49,7
Россия	32	52	Россия	34	49,1	Россия	35	49,1
Румыния	33	51	Словакия	35	47,8	Украина	36	47,8
Венгрия	34	51	Греция	36	47,0	Греция	37	47,4
Словакия	35	51	Южная Африка	37	45,6	Словакия	38	47,2
...
Хорватия	44	45	Хорватия	46	40,5	Таиланд	46	42,3
Турция	45	44	Иран	47	39,7	Иран	47	42,2
Южная Африка	46	43	Болгария	48	39,2	Мексика	48	41,7
Индонезия	47	37	Индия	49	38,0	Индия	49	39,6
Индия	48	34	Индонезия	50	36,9	Индонезия	50	35,0

Составлено по: Рейтинг национальных систем высшего образования // Гуманитарная энциклопедия: исследования. Центр гуманитарных технологий, 2006–2021. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/u21-ranking-of-national-higher-education-systems> (дата обращения 11.02.2021).

и знаниями выпускников [2; 17]. Высшее образование зачастую не находится на том уровне, который обеспечил бы его вклад в развитие экономики знаний: работодатели не удовлетворены знаниями молодых специалистов [20, с. 105].

Лучшими в мире университетами на протяжении многих лет, согласно рейтингу Times Higher Education World University Rankings 2021¹⁷, остаются вузы США (им принадлежит восемь первых мест из топ-10). Оксфордский университет возглавляет рейтинг пятый год подряд. Самое большое количество новых вузов-участников, вошедших в рейтинг, отмечено в Индии (14 ед.). По состоянию на 2021 год она имеет рекордное количество

рейтинговых учреждений (64 ед.). Из азиатских университетов в двадчатку лучших впервые вошел Университет Цинхуа (Китай). Среди российских вузов наивысший рейтинговый балл присвоен Московскому государственному университету им. М.В. Ломоносова, занимающему 174 место в рейтинге¹⁸.

Повысить рейтинг российских вузов среди ведущих мировых научно-образовательных центров был призван проект «5–100»¹⁹. По решению Правительства РФ в 2013 году создан Совет по повышению конкурентоспособности ведущих университетов РФ. В проекте, рассчитанном до 2020 года, принял участие 21 российский университет, каждый из них представил дорожные карты

¹⁷ Рейтинг рассчитывается на основе 13 показателей эффективности по четырем направлениям: преподавание, исследования, передача знаний, международное мировоззрение.

¹⁸ World University Rankings 2021. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking#!/page/0/length/-1/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (accessed 24.02.2021).

¹⁹ URL: <https://www.5top100.ru/about/more-about> (дата обращения 28.04.2021).

по дальнейшему развитию. Согласно заключению Счетной палаты РФ²⁰ обозначенная цель не была достигнута. Ни один из вузов проекта не вошел в сотню мировых университетов (за исключением МГУ, который в этом проекте не участвовал). Тем не менее за период действия проекта вузы смогли повысить уровень участия иностранных специалистов на руководящих и академических должностях, открыли новые лаборатории, провели масштабную работу по ребрендингу и т. д.

В целях формирования экономики знаний важную роль играет система соответствия между уровнем профессионального образования (качеством работника) и качеством рабочих мест. В связи с этим возрастает необходимость устранения диспропорций подготовки кадров в разрезе специальностей и активизации связей образовательных организаций с предприятиями-работодателями. Подготовка кадров должна соответствовать потребностям рынка труда и оперативно подстраиваться под них, а также включать развитие новых профессиональных компетенций²¹. Все более актуальной становится концепция непрерывного обучения LLL (Life Long Learning – образование протяженностью в жизнь). При этом, чем более разносторонне развитым, имеющим интересы из разных сфер жизнедеятельности является специалист, тем он будет более успешным и конкурентным на рынке²².

В современных условиях неопределенности при возросших требованиях к профессиональным компетенциям выпускников экосистема университета существенно подвергается влиянию ряда негативных обстоятельств [18, с. 141]. Так, проблема ослабления

государственной поддержки и сокращения государственных инвестиций детерминирует неравные возможности в образовании, сжатие ресурсов для исследований и меньшее число выпускников, а также небольшое количество высококвалифицированных ученых и менеджеров²³, что абсолютно недопустимо в условиях развития экономики, основанной на знаниях. Несмотря на то что образование является ключевым фактором, создающим стабильные и конкурентоспособные преимущества страны в сфере экономики знаний, оно оказывается социальной сферой, где бюджетные расходы в период кризиса сокращаются в первую очередь. По оценкам S. Garben [19], большинство стран ЕС, за исключением Германии и Франции, в неблагоприятные кризисные времена сокращали расходы на образование до 30%. В РФ на финансирование высшего образования выделяется в три раза меньше ресурсов по сравнению со странами ОЭСР [13, с. 149].

В текущих ценах финансирование российского образования за период с 2010 по 2017 год постепенно увеличивалось за исключением некоторого снижения в 2016 году. В сопоставимой оценке падение началось после 2014 года (рис.). Уровень государственных расходов по отношению к ВВП также достаточно серьезно снизился. Если в 2006 году величина расходов на образовательную сферу достигала 5,1% к ВВП, то к 2010 году – уже 4,9%, а в 2017 году она зафиксирована на уровне 4,1%. Суммарный объем финансирования высшего образования в 2017 году составил 511 млрд руб., беспрецедентно увеличившись на следующий год до 554,2 млрд руб. Однако финансирование образовательной сферы, в т. ч. прикладных научных исследо-

²⁰ Вузы из проекта «5–100» так и не вошли в топ-100 международных рейтингов. Какие причины не позволили до конца выполнить указ Путина. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/602cbdf9a7947765cbb58e5> (дата обращения 28.04.2021).

²¹ Капорцева О.Н. Совершенствование подходов к образованию в условиях формирования экономики знаний // Актуальные проблемы бизнес-образования: мат-лы XVII Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 апреля 2018 г., Минск / Бел. гос. ун-т, Ин-т бизнеса и менеджмента технологий, Ассоциация бизнес-образования; редкол.: В.В. Апанасович [и др.]. Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2018. С. 74.

²² Новикова К.А. Экономика знаний – двигатель современного прогресса // Управление и коммуникации: анализ тенденций и перспективы развития: сб. тр. конф. Чебоксары, 2016. С. 147–150 (дата обращения 04.03.2021).

²³ Zhao B. Consequences of State Disinvestment in Public Higher Education: Lessons for the New England States. 2019. Research Report 19-1. URL: <https://www.bostonfed.org/publications/new-england-public-policy-center-research-report/2019/consequences-of-state-disinvestment-in-public-higher-education.aspx> (accessed 09.02.2021).

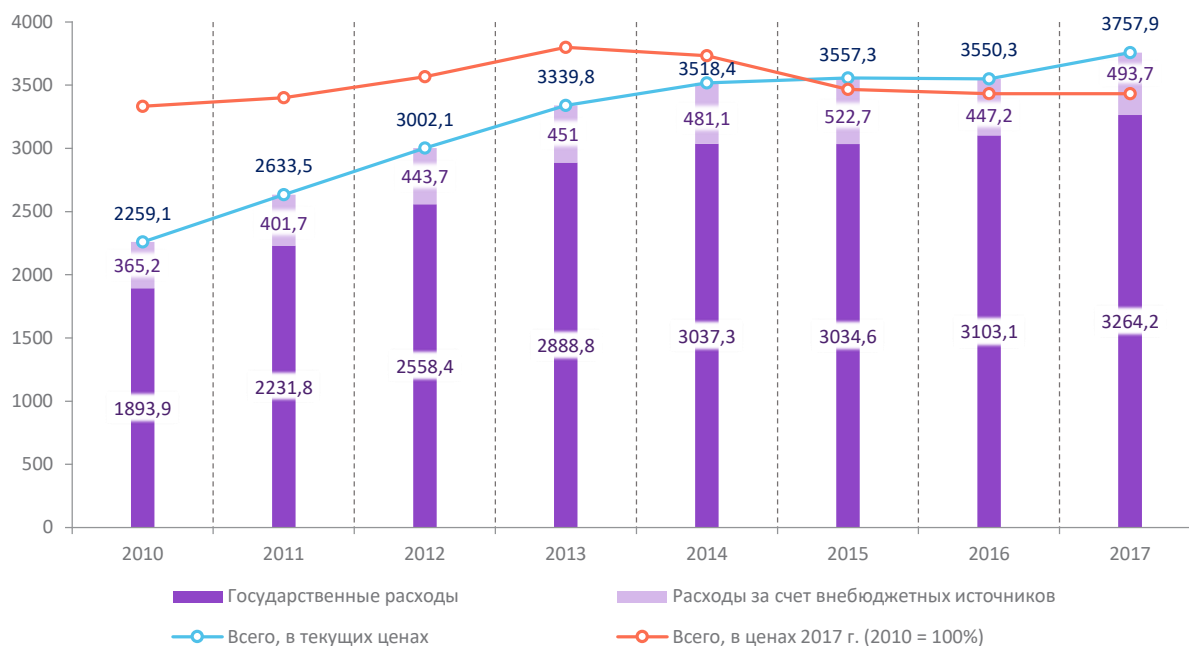

Рис. Расходы на образование в РФ

Составлено по: Индикаторы образования: 2020: стат. сб. / Н.В. Бондаренко [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 496 с.

ваний в области образования²⁴, остается на недостаточном уровне [20; 21]. Данное обстоятельство, а также возросший уровень требований к уровню знаний учащихся, необходимость постоянного обновления/повышения знаний и образования, рост цен на репетиторские услуги и т. п. приводят, в конечном итоге, к росту расходов населения на оплату образовательных услуг.

Величина платных образовательных услуг на душу населения в среднем по РФ за 2010–2018 гг. в реальном выражении увеличилась примерно в два раза. Ранжирование регионов по величине данного показателя за 2018 год позволило выявить, что наиболее высокая величина платных услуг на образование сложилась в Республике Татарстан (7949 руб. на душу населения). Значительно ниже объем платных услуг в образовательной сфере (примерно в 4,7 раза) наблюдался в Республике Алтай. Доля платных образовательных услуг в общем объеме платных услуг населения также подверглась значитель-

ному увеличению, составив в среднем по РФ за 2018 год максимальное значение за весь анализируемый период (6,8%). Самая высокая доля платных услуг в образовательной сфере отмечена в Приволжском федеральном округе (8%). Среди субъектов максимальное значение данного показателя зафиксировано в Республике Тыва (11,2 против 4,3% в Камчатском крае). В Костромской области доля платных образовательных услуг характеризуется минимальной величиной среди субъектов РФ.

Рост платных услуг наряду с концентрацией образовательных организаций в крупных городах и регионах страны и ряд других негативных тенденций, характеризующих образовательную сферу современной России, значительно ограничивают возможности большого числа населения, создавая барьеры для получения образования. Как показали результаты исследования, концентрация образовательных организаций в крупных городах особенно очевидна в сфере

²⁴ Для справки: годовой бюджет Гарвардского университета (15 тыс. студентов) составляет порядка 7,3 млрд долл., что превышает расходы на финансирование РАН и в 10 раз – бюджет МГУ. Бюджет среднего университета (Мэрилендский университет Колледж-Парк, Вашингтон) составляет 1 млрд долл., что гораздо больше бюджета любого вуза России [2, с. 227].

Таблица 3. Число образовательных организаций высшего образования (с учетом филиалов) и научных организаций

Регион*	Учебный год									Ранг**	2018 год к 2010 году, %
	2010/2011	2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015	2015/2016	2016/2017	2017/2018	2018/2019		
г. Москва	274	262	256	231	234	209	184	167	159	1	58,0
г. Санкт-Петербург	99	97	95	91	88	83	77	72	72	2	72,7
Московская область	159	162	168	158	139	117	82	63	58	3	36,5
Краснодарский край	117	111	107	94	80	69	61	50	49	4	41,9
Республика Татарстан	88	87	82	80	70	60	48	45	42	5-6	47,7
Свердловская область	86	84	86	81	70	65	58	46	42	5-6	48,8
...
Вологодская область	23	21	21	19	15	13	9	8	7	55	30,4
...
Костромская область	7	7	7	7	6	6	5	2	2	79-75	28,6
Новгородская область	11	12	12	11	10	9	7	3	2	79-75	18,2
Республика Калмыкия	8	8	8	7	4	4	4	3	2	79-75	25,0
Республика Ингушетия	3	4	4	3	4	4	3	2	2	79-75	66,7
Республика Тыва	4	4	3	3	3	3	2	2	2	79-75	50,0
Республика Алтай	2	3	3	1	1	1	1	1	1	82-80	50,0
Еврейская автономная область	5	5	5	4	3	3	2	1	1	82-80	20,0
Чукотский автономный округ	-	1	-	2	2	2	2	1	1	82-80	1,04)

* Приведены данные по 6 регионам с наилучшими и 8 наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
 ** Данные ранжированы по регионам за 2018/2019 год.
 Рассчитано по: Платное обслуживание населения в России: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 111 с.; Платное обслуживание населения в России: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 110 с.

высшего образования. За девятилетний период число вузов и научных организаций в целом по РФ сократилось почти в два раза. Лидерство по количеству образовательных учреждений высшего образования и научных организаций сохраняется за Москвой (159 единиц). На втором месте находится Санкт-Петербург, насчитывающий порядка 72 подобных организаций (табл. 3).

Неравенство в сфере образования усиливается за счет концентрации образовательных организаций среднего образования в крупных городах и технологически развитых регионах. Порядка 44% образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов по программам среднего профессионального образования, расположены в Центральном и Приволжском

федеральных округах. В рейтинге субъектов первое место по количеству образовательных организаций среднего профобразования занимает Свердловская область, где их число за исследуемый период увеличилось в 1,2 раза.

В школьном образовании сохраняется проблема наличия второй и третьей смены. В среднем по РФ удельный вес обучающихся по данной системе за период с 2010 по 2018 год колебался на уровне 13%. Интересно, что только в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург) школьники имеют возможность заниматься в первую смену. Особенно неблагоприятной в этом отношении является Чеченская Республика, где порядка 38% школьников были вынуждены учиться во вторую и третью смены.

В дошкольном образовании достаточно острой остается проблема обеспеченности детей местами в детских садах. В среднем по РФ на 1000 детей дошкольного возраста в 2010 году приходилось 553 места против 639 мест в 2018 году. Минимальные значения обеспеченности детей местами в организациях дошкольного образования отмечены в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Так, в Республике Дагестан в 2018 году имелось 253 места на 1000 детей. Вологодская область в данном рейтинге занимает 11 место (805 мест).

В целом, помимо перечисленных проблем, назревших к решению на всех уровнях образовательного процесса, важным аспектом расширения интеллектуального потенциала выступает наличие у членов общества позитивного и адекватного отношения к знаниям. По наблюдениям А.И. Андрончевой²⁵, в российском обществе преобладает двойственное отношение к знаниям. Образование и образованность, с одной стороны, ценятся с точки зрения статусных и карьерных перспектив, но, с другой, престиж самого знания и слоя общества, задействованного в его (вос)производстве, крайне низок. Как показывают результаты социологических исследований, данная особенность характерна для всех ступеней образовательного процесса. На сегодняшний день хорошее образование рассматривается как ступень социального лифта, обеспечивающая в будущем престиж, высокий заработок и т. д. Знание как таковое ценится во вторую очередь. Следовательно, необходимо создавать условия по повышению престижа и привлекательности интеллектуальных профессий, от чего выиграет не только сам индивид, но и общество в целом.

В качестве наиболее проблемной остается вопрос низкой заработной платы учителей, преподавательского состава и научных работников. Выполнение майских указов Президента РФ в отношении 200%-го соответствия зарплаты работников образования и науки средней заработной плате по региону недавно обсуждалось на самом высоком уровне благодаря высказываниям Анастасии Проскуриной, научного сотрудника Института цитологии и генетики РАН (г. Новосибирск), о своей заработной плате на уровне 25 тыс. руб.²⁶ Как свидетельствуют официальные статистические данные (2019 год)²⁷, примерно у четверти работников сферы образования в РФ заработная плата менее 15,8 тыс. руб., у 20% – менее 14,7 тыс. руб.; у 7% – меньше минимального размера оплаты труда (11,28 тыс. руб.).

Вопрос, связанный с оплатой труда работников сферы образования и науки, требует дополнительного изучения и не укладывается в рамки данной статьи, но прямым образом вскрывает еще одну острейшую проблему, тормозящую формирование инновационной экономики в российских условиях, – проблему «утечки мозгов». Возможно, уровень заработков играет не первую, но далеко и не последнюю роль в увеличении оттока молодых специалистов за рубеж. Согласно данным ВЦИОМ²⁸, 53% респондентов в возрасте до 24 лет хотели бы выехать из России на постоянное место жительства. В качестве основных причин для переезда указываются желание обеспечить детям достойное будущее, неудовлетворенность экономической и политической ситуацией в России, а также высокое качество медицины и образования за рубежом. В исследовании

²⁵ Андрончева А.И. Перспективы развития экономики знаний в России // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: мат-лы и доклады II Межд. науч. конф. (Самара, 19 декабря 2016 г.) / под общ. ред. С.А. Мартышкина, С.А. Ключникова. Самара: Самарский университет, 2016. 218 с. (дата обращения 03.03.2021).

²⁶ Институты развития провалили инновации. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya> (дата обращения 15.03.2021).

²⁷ Зарплата каждого пятого работника образования оказалась меньше 15 тыс. руб. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/07/2019/5d31c49b9a7947fcdd9ae1ad> (дата обращения 15.03.2021).

²⁸ ВЦИОМ объяснил планы молодежи уехать из России желанием посмотреть мир. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2019/5dde21599a79471b799492e7> (дата обращения 15.03.2021).

Таблица 4. Оценка респондентами современного состояния системы образования в стране, 2018 год

Страна	Очень плохое	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Очень хорошее	Затруднились ответить	Среднее
Финляндия	0	0	0	1	2	3	6	17	36	25	7	1	7,8
Швейцария	0	0	1	3	5	7	10	19	27	12	8	7	7,1
Эстония	1	1	2	4	5	12	12	20	26	11	6	1	6,7
Ирландия	1	1	2	4	6	11	13	21	26	9	4	2	6,6
Бельгия	1	1	2	4	5	11	17	26	23	5	3	1	6,5
Чехия	0	1	2	6	7	12	16	22	20	7	3	3	6,4
Нидерланды	0	0	2	4	8	11	20	29	17	4	1	4	6,3
Австрия	2	1	3	7	8	12	11	19	19	8	6	4	6,3
Польша	2	2	4	7	7	16	12	16	16	7	6	7	6,1
Словения	3	2	6	9	10	18	13	17	13	5	3	3	5,6
Италия	3	1	4	7	10	15	23	20	11	2	1	4	5,6
Великобритания	2	2	5	8	10	17	16	20	11	3	2	3	5,6
Франция	3	2	7	10	14	19	17	16	8	2	1	2	5,1
Германия	3	3	7	14	14	14	14	15	10	3	2	2	5,0
Россия	7	3	8	12	11	18	10	12	9	3	4	5	4,8
Венгрия	6	3	8	12	12	15	11	14	7	3	2	9	4,8
Сербия	10	3	8	11	8	17	11	10	10	3	5	4	4,8
Болгария	7	5	7	10	14	21	10	8	5	2	2	8	4,5
Кипр	6	5	9	12	13	22	12	10	5	1	1	3	4,4

Составлено по: Европейское социальное исследование. URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения 11.03.2021).

РАНХиГС, проведенном в 2018 году²⁹, выделено три основные причины эмиграции российских граждан: выезд по причине учебы в магистратуре или аспирантуре (треть опрошенных), получение «Голубой карты» для квалифицированных специалистов (четверть опрошенных) и «переезд в качестве члена семьи иностранного гражданина или россиянина, заключившего контракт на работу за рубежом» (каждый пятый опрошенный). По словам Д. Медведева, «экспорт интеллекта» из России недопустим. «Сегодня мы экспортируем нефть, газ и, к сожалению, интеллект. Но если за первые две позиции российский бюджет получает деньги, то интеллект уходит из страны и безвозвратно, и бесплатно»³⁰.

Исследуя проблемы современного российского образования, невозможно обойти стороной субъективное восприятие гражданами изменений, происходящих в данной сфере. Как показали результаты исследова-

ния, проблема недовольства образованием характерна не только для нашей страны. Однако именно в России число негативных оценок в отношении удовлетворенности образованием одно из самых высоких среди европейских стран (табл. 4). Согласно данным Европейского социального исследования 2018 года, население России (7% из числа опрошенных) наряду с Болгарией (7%) и Сербией (10%) характеризует современное состояние системы образования как очень плохое. В таких странах, как Финляндия, Швейцария, Чехия и Нидерланды, зафиксировано нулевое значение подобных оценок. Из 19 государств, принимавших участие в опросе, в топ-5 по уровню оценок вошли Финляндия (первое место по величине средних оценок – 7,8%), Швейцария (7,1%), Эстония (6,7%), Ирландия (6,6%) и Бельгия (6,5%). Россия по величине среднего уровня оценок лишь на 15 месте (4,8%).

²⁹ Эксперты РАНХиГС рассказали об усилившейся утечке мозгов из России. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2018/5a673f129a794712579d7dbe> (дата обращения 17.03.2021).

³⁰ Там же.

Исследование удовлетворенности качеством обучения в общеобразовательных организациях РФ, проведенное Росстатом в 2018 году⁵¹, позволило установить, что в среднем по РФ примерно 28% родителей школьников недовольны качеством обучения (в отношении регулярности занятий согласно расписанию, профессиональной подготовки преподавателей, разнообразия дополнительных занятий). Они отметили свою степень удовлетворенности как «совершенно не удовлетворены» и «не совсем удовлетворены». При этом оставшаяся подавляющая часть населения (72%) полностью удовлетворена образованием. Оценка данного индикатора жителями Вологодской области не столь оптимистична: 40,7% опрошенных недовольны качеством обучения в общеобразовательных организациях (79 место в рейтинге регионов). Среди субъектов наихудший показатель удовлетворенности продемонстрировала Воронежская область, где каждый второй недоволен качеством обучения (49,9% от числа ответивших). Лучшая оценка качества обучения зафиксирована в Республике Татарстан (92,4% населения полностью удовлетворены качеством обучения).

Образование в период пандемии

Характеристика системы образования в сегодняшних условиях развития общества невозможна без оценки устойчивости работы и проблем функционирования в период коронавирусной инфекции. Очевидно, что проверкой на прочность оказались условия современной пандемии, когда стороны образовательного процесса были вынуждены в срочном порядке перестраиваться под новые технологии обучения. Переход на дистант оказался серьезным стрессом для всех участников образовательного процесса: студентов и их социального окружения, преподавателей, администрации вузов, зна-

чительно усложнив работу преподавательского состава, особенно учителей [22; 23]. Несмотря на наличие положительных характеристик онлайн-образования, к числу которых относят удобство, гибкость расписания и распорядка, экономичность и др. [24], серьезным недостатком технологии обучения в дистанционном формате следует считать отсутствие личного взаимодействия между всеми акторами учебного процесса [25; 26]. Онлайн-обучение следует воспринимать лишь как дополнительный инструмент образовательного процесса [23; 27].

Согласно результатам социологического опроса [26], проведенного в середине 2020 года на платформе Google forms, почти каждый четвертый российский студент (23,4%) ощущал страх и беспокойство за свое образование. Примерно 21% опрошенных отметили растерянность и неуверенность в своей включенности в учебный процесс. Пятая часть студентов (примерно 22%) заявила о спокойном восприятии необходимости перехода на дистант, а 29,2% указали на интерес к новому виду обучения. После окончания весеннего семестра снижение эффективности собственной работы фиксировали 40,3% опрошенных против 23,1% указавших обратные оценки. В целом об отсутствии технических навыков в процессе обучения сообщили только 8,7% студентов, в то время как основными проблемами в период дистанта явились такие, как возникновение технических сбоев, низкая скорость интернета, отсутствие необходимой гарнитуры и т. д. (24,4%), трудности самоорганизации (16,2%), отсутствие мотивации к обучению (12,6%).

Согласно данным опроса⁵², проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН [28] в период активной фазы коронавируса (апрель – май 2020 года), подавляющая часть учителей Вологодской области (98%) отметила появление различ-

⁵¹ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения в 2018 году / Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения 05.03.2021).

⁵² Социологический опрос проведен среди учителей школ Вологодской области посредством анкетных онлайн-форм на платформе Google. Среди респондентов (272 чел.) оказались представители школ Вологды, Череповца и населенных пунктов Вологодского, Грязовецкого, Великоустюгского, Нюксенского, Кичменгско-Городецкого, Харовского, Бабушкинского, Вытегорского, Тотемского районов. Доверительный интервал выборки составил 5%.

ного рода проблем при переходе на дистанционное обучение. В тройке лидеров указанных проблем числятся недостаточная обеспеченность необходимой компьютерной техникой в семьях школьников (49,3%), недостаточная обеспеченность необходимыми техническими устройствами учительского корпуса (34,2%) и низкая мотивация, недисциплинированность учащихся, неумение обучаться дистанционно (33,8%).

В целом итоги работы образовательных учреждений в период пандемии только предстоит подвести. Однако уже сейчас можно говорить о том, что дистанционное образование, с одной стороны, сокращает образовательное неравенство для студентов вузов и колледжей, с другой, усугубляет ряд имеющихся проблем в части снижения мотивации к обучению и дисциплинированности у студентов и учеников, а также ведет к утрате личного взаимодействия с наставниками/преподавателями. На наш взгляд, полная замена традиционного обучения (офлайн) онлайн-обучением на постоянной основе невозможна и может привести к нежелательным последствиям, выражающимся в снижении эффективности образовательного процесса.

Заключение

Современная модернизация общества, происходящая в условиях неопределенности, обуславливает возрастание роли информации и знаний в экономике. Исследование тенденций развития сферы образования в РФ за ряд последних лет позволило выявить основные тенденции и некоторые ключевые барьеры, препятствующие эффективному формированию инновационной экономики.

1. В настоящее время экономика знаний занимает небольшую долю в структуре ВВП России: примерно 13% против 30% в среднем в странах ОЭСР. Сохраняется незначительный удельный вес образовательной сферы РФ в формировании экономики знаний (на уровне 4%), что почти в два раза меньше по сравнению с показателями развитых стран.

2. Характеристика России в международных рейтингах по образованию представле-

на противоречивыми оценками. Так, если по индексу уровня образования (Education Index) РФ занимает 33 место, то по уровню индекса экономики знаний (эффективности использования знаний страной в целях ее развития) – лишь 55. Причина подобного расхождения в балльной оценке, возможно, кроется в том, что полученные знания не сопровождаются высоким уровнем профессиональных компетенций, навыков. Следует отметить, что данная проблема характерна не только для российского образования, но свойственна для мирового образования в целом. Знания и информация в наши дни обновляются с высокой скоростью, требуя оперативной перенастройки технологий обучения и используемых программ, а также сонастройки стандартов образования и запросов бизнес-среды. Необходимо активно вовлекать бизнес в подготовку профессиональных и образовательных программ в целях выпуска соответствующих специалистов со знаниями, навыками и компетенциями, адекватными современным условиям. Особенно важным представляется развитие непрерывного профессионального, в т. ч. дистанционного, бизнес-образования.

3. Масштаб государственной поддержки образования в России нуждается в пересмотре. По сравнению со странами ОЭСР государственные расходы на высшее образование в России почти в три раза меньше. Бюджет среднего университета, например, в США составляет порядка 1 млрд долл., что несравнимо больше, чем в любом российском вузе подобного уровня. Недостаточное финансирование образовательной сферы в России не только ослабляет экосистему университетов, являющихся ключевым звеном в передаче знаний в условиях инновационной экономики, но и усугубляет проблему доступности образования в целом. Сокращение учреждений высшего образования в два раза за 2010–2018 гг., а также пространственное неравенство, сопровождаемое сосредоточением учреждений высшего и среднего образования в мегаполисах и технологически развитых центрах, в совокупности с ростом платных образовательных

услуг, формирующих ценовое неравенство, отчетливо создают неравные возможности для населения в сфере образования.

4. Дифференциация в доступе к образованию наблюдается на всех ступенях образовательной системы. Как показали результаты исследования, барьеры доступа к получению образования в РФ начинают складываться еще в дошкольном звене. Так, острой проблемой в регионах на протяжении многих лет остается обеспеченность детей местами в дошкольных учреждениях. За 2010–2018 гг. удалось незначительно увеличить число мест в детских садах: в среднем по РФ с 553 до 639 ед. Более того, для всех российских регионов до сих пор актуальна проблема второй и третьей смен в школах (кроме Москвы и Санкт-Петербурга). Следует заметить, что формирование инновационной экономики и ее субъектов, в т. ч. населения как основного действующего лица, следует начинать с детского сада и школы. Представляется, что именно таким образом можно создать фундамент для дальнейшего качественно-го развития личности (специалиста в профессиональной сфере). Общеизвестно, что уровень интеллекта и успешность обучения зависят от средовых условий и генетических факторов³⁵ и формируются задолго до поступления в вуз.

5. Недостаточный уровень оплаты труда работников сферы образования и науки, несмотря на майские указы Президента РФ, до сих пор является предметом обсуждения широкой общественности и тесно связан с проблемой «экспорта интеллекта». Особенное беспокойство вызывает желание российской молодежи покинуть страну: подобное стремление высказала примерно половина молодых людей в возрасте до 24 лет. Основными причинами для переезда чаще становятся учеба, получение рабочего места для квалифицированных специалистов и переезд в качестве члена семьи гражданина, заключившего рабочий контракт за границей. Очевидно, что в условиях глобализации проблема «утечки мозгов» будет нарастать,

но в России поток эмиграции дополнительно будет усилен из-за нерешенных проблем в экономике и социальной сфере.

Современное информационное общество предъявляет повышенные требования к уровню знаний, однако выявленные пробелы российского образования значительно сужают возможности для стремительного развития инновационной экономики. Мировые державы-лидеры осознали, что экономические успехи во многом определяются достижениями науки, образовательным уровнем граждан, общей и экономической культурой поведения. Правительства стран озадачены проблемой повышения образованности населения. Ярким подтверждением данного тезиса являются высказывания бывшего премьер-министра Великобритании. В начале своего пребывания на посту Тони Блэр заявил, что в его повестке дня для правительства было три приоритета: образование, образование и образование. Через год, когда его спросили, изменились ли его приоритеты, он добавил четвертый – образование [29, с. 217].

Сохранение и преумножение интеллектуальных ресурсов выступает приоритетной задачей в достижении экономического могущества любой страны. Успешное развитие государства невозможно на экономике эксплуатации природных ресурсов, но должно базироваться на экономике знаний. Оставляя за рамками статьи вопросы, касающиеся негативных последствий внедрения Болонской системы, снижения престижа учительской профессии, низкой преемственности программ обучения на всех ступенях образовательного процесса, проблем трудоустройства выпускников и т. д., мы исходим из предположения, что, несмотря на широкий перечень проблем современного образования, Россия обладает определенным потенциалом для развития «умной» экономики. Речь идет о расширении ИТ-сектора и наукоемких производств. На наш взгляд, для обеспечения прорыва в развитии инновационной экономики следует уделять внимание не только решению выше-

³⁵ Гены влияют на интеллект и успехи в учебе. URL: <https://iq.hse.ru/news/177664078.html> (дата обращения 17.03.2021).

обозначенных проблем на уровне регионов и страны в целом, но и активизировать усилия в целях повышения научно-технического и инновационного потенциалов территорий, формирования экономико-правового пространства образования на национальном и региональном уровнях.

Результаты исследования могут быть использованы в практической работе регио-

нальных и муниципальных органов власти при совершенствовании основ социально-экономической политики, разработке и реализации мероприятий в сфере образования, направленных на расширение доступности и качества образовательных услуг в регионах, а также повышение роли образовательной сферы в становлении экономики инновационного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.А. Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. М.: М-Студио, 2009. 288 с.
2. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. М.: Дело, 2020. 512 с.
3. Cohen D., Soto M. *Growth and human capital: Good data, good results, technical chapters*. Paris: OECD, 2001. 179 p.
4. Леонидова Г.В., Басова Е.А. Неравенство возможностей: фактор «родительской базы» (на материалах социологического опроса населения СЗФО) // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.1
5. Clancy P., Goastellec G. Exploring access and equity in higher education: Policy and performance in a comparative perspective. *Higher Education*, 2007, no. 2, pp. 136–154.
6. Rawls J. *A Theory of Justice*. Harvard University Press, 1971. 538 p.
7. Roemer J., Trannoy A. Equality of opportunity: theory and measurement. *Journal of Economic Literature, American Economic Association*, 2015, vol. 54 (4), pp. 1288–1332.
8. Bourguignon F., Ferreira F., Menendez M. Inequality of opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*, 2007, no. 53, pp. 585–618.
9. Jencks C. *Whom must we treat equally for educational opportunity to be equal*. *Ethics*, 1988, no. 3, pp. 518–533. DOI: 10.1086/292969
10. Schlozman K., Verba S., Brady H. *Civic Participation and the Equality Problem. Chapter in Book Civic Engagement in American Democracy*. Washington: Brookings Institution Press, 1999. Pp. 427–459.
11. Розанова Л.И., Поташева О.В., Морошкина М.В. Экономика знаний: взаимообусловленность формирования новой модели экономического роста и структурных изменений в системе образования // Друкеровский вестник. 2016. № 2 (10). С. 138–147.
12. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестн. Рос. акад. наук. 2003. № 3. С. 5–24.
13. Панкова Л.Н. Экономика знаний: исследовательские тренды // Инновации и инвестиции. 2019. № 8. С. 38–40.
14. Тюкавкин И.Н. Экономика знаний // Вестн. Самар. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. 2014. № 6. С. 445–205.
15. Басова Е.А. Доступность здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития территорий // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 68–87. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.4
16. Cricelli L., Greco M., Grimaldi M., Llanes P. Intellectual capital and university performance in emerging countries. *Journal of Intellectual Capital*, 2017, vol. 19 (1), pp. 71–95.
17. Diaz-Fernandez M., Pasamar-Reyes S., Valle-Cabrera R. Human capital and human resource management to achieve ambidextrous learning: a structural perspective. *Business Research Quarterly*, 2017, vol. 20, pp. 63–77.

18. Monga O. Globalization and education in India: The issue of higher education. *American International Journal of Research in Humanities, Arts and Social Sciences*, 2016, no. 16, pp. 140–144.
19. Garben S. *The Future of Higher Education in Europe: The Case for a Stronger Base in Eu Law*. London: European Institute, London School of Economics and political science, 2012. 46 p.
20. Вершинина О.В., Москвитин Г.И. Основные аспекты финансирования современной сферы образования Российской Федерации // Вестн. Рос. нового ун-та. Сер.: Человек и общество. 2019. № 1. С. 3–7. DOI: 10.25586/RNU.V9276.19.01.P.003
21. Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Среднее профессиональное образование для инновационной экономики // Вестн. Ин-та социологии. 2019. № 1. С. 120–138. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.560
22. Qandil A., Abdel-Halim H. Distance e-learning is closer than everybody thought: A pharmacy education perspective. *Health Professions Education*, June 2020, pp. 2–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hpe.2020.05.004>
23. Krishnamurthy S. The future of business education: A commentary in the shadow of the COVID-19 pandemic. *Journal of Business Research*, 2020, vol. 117, pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.034>
24. Sălceanu C. Higher education challenges during COVID-19 pandemic: a case study. *Revista Universitară de Sociologie*, 2020, no. 1, pp. 104–114.
25. Rizun M., Strzelecki A. Students' acceptance of the COVID-19 impact on shifting higher education to distance learning in Poland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, no. 17, pp. 1–19.
26. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности / И.А. Алешковский [и др.] // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>
27. Anderson T., Rivera-Vargas P. A critical look at educational technology from a distance education perspective. *Digital Education Review*, 2020, no. 37, pp. 208–229.
28. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся / Г.В. Леонидова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12
29. Smeyers P., Depaepe M. *Educational Research: The Educationalization of Social Problems*. Springer, 2008. 247 p. DOI: 10.1007/978-1-4020-9724-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Александровна Басова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: elbas@yandex.ru

Марианна Николаевна Рассадина – кандидат экономических наук, старший преподаватель, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний». Российская Федерация, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2; e-mail: mrossadina@mail.ru

Basova E.A., Rassadina M.N.

MODERN EDUCATION PROBLEMS IN THE CONTEXT OF THE KNOWLEDGE ECONOMY FORMATION (THE CASE OF RUSSIA'S REGIONS)

In modern conditions of information society formation, Russia cannot successfully develop on the economy of natural resources' exploitation. We should base the development on the knowledge economy; one of its main components is the educational level of population. The main purpose of the research is to identify key regional trends, as well as negative factors in the educational sphere of Russian territories that hinder formation of the knowledge economy. The authors have studied the educational role in forming the knowledge economy. The article examines Russia's place in the cross-country rankings in terms of development level of education and university complexes. Based on the results of the analysis conducted for the period from 2010 to 2018, the paper has identified the key trends in education development in the Russian Federation in the interregional context. The authors show that the insufficient level of educational state funding, high level of paid educational services, as well as low level of spatial accessibility of educational institutions are the key reasons that limit the educational opportunities of population of Russian regions. The work proves that the knowledge of graduates of educational organizations is often not accompanied by a high level of professional competencies. This makes it necessary to adjust the standards of education and requirements of the regional business environment. The paper presents subjective assessments of population's satisfaction of the Russian Federation and European countries with the quality of education, studies the problems in the field of education caused by the pandemic including on the data of a sociological survey of the Vologda Oblast population. The research suggests that there are prospects for developing the knowledge economy in the Russian Federation in terms of expanding IT sector and knowledge-intensive industries. The authors conclude that there is the need for the development of continuing professional education.

Knowledge economy, regional educational inequality, professional skills and competencies, universities, interregional assessment.

REFERENCES

1. Aleksandrova O.A. *Institutsional'nyye problemy stanovleniya sotsial'nogo gosudarstva v sovremennoy Rossii* [Institutional Formation Problems of the Welfare State in Modern Russia]. Moscow: M-Studio, 2009. 288 p.
2. Aganbegyan A.G. *O prioritetakh sotsial'noy politiki* [On the Priorities of Social Policy]. Moscow: Delo, 2020. 512 p.
3. Cohen D., Soto M. *Growth and human capital: Good data, good results, technical chapters*. Paris: OECD, 2001. 179 p.
4. Leonidova G.V., Basova E.A. Inequality of opportunities: the factor of "parents' base" (case study of a sociological survey of the population of the Northwestern federal district). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.1 (in Russian).
5. Clancy P., Goastellec G. Exploring access and equity in higher education: Policy and performance in a comparative perspective. *Higher Education*, 2007, no. 2, pp. 136–154.
6. Rawls J. *A Theory of Justice*. Harvard University Press, 1971. 538 p.
7. Roemer J., Trannoy A. Equality of opportunity: theory and measurement. *Journal of Economic Literature, American Economic Association*, 2015, vol. 54 (4), pp. 1288–1332.

8. Bourguignon F., Ferreira F., Menendez M. Inequality of opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*, 2007, no. 53, pp. 585–618.
9. Jencks C. *Whom must we treat equally for educational opportunity to be equal*. *Ethics*, 1988, no. 3, pp. 518–533. DOI: 10.1086/292969
10. Schlozman K., Verba S., Brady H. *Civic Participation and the Equality Problem. Chapter in Book Civic Engagement in American Democracy*. Washington: Brookings Institution Press, 1999. Pp. 427–459.
11. Rozanova L.I., Potasheva O.V., Moroshkina M.V. Knowledge economy: interconditionality of the new model of economic system of education. *Drukerovskiy vestnik=Drukerovskij Vestnik*, 2016, no. 2 (10), pp. 138–147 (in Russian).
12. Makarov V.L. Knowledge economy: lessons for Russia. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk=Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2003, no. 3, pp. 5–24 (in Russian).
13. Pankova L.N. Knowledge economy: research trends. *Innovatsii i investitsii=Innovation and Investment*, 2019, no. 8, pp. 38–40 (in Russian).
14. Tyukavkin I.N. Economics of knowledge. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye=Vestnik of the Samara State University. Series: "Economics and Management"*, 2014, no. 6, pp. 445–205 (in Russian).
15. Basova E.A. Accessibility health care as a factor of sustainable socio-economic development of territories. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 68–87. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.4 (in Russian).
16. Cricelli L., Greco M., Grimaldi M., Llanes P. Intellectual capital and university performance in emerging countries. *Journal of Intellectual Capital*, 2017, vol. 19 (1), pp. 71–95.
17. Diaz-Fernandez M., Pasamar-Reyes S., Valle-Cabrera R. Human capital and human resource management to achieve ambidextrous learning: a structural perspective. *Business Research Quarterly*, 2017, vol. 20, pp. 63–77.
18. Monga O. Globalization and education in India: The issue of higher education. *American International Journal of Research in Humanities, Arts and Social Sciences*, 2016, no. 16, pp. 140–144.
19. Garben S. *The Future of Higher Education in Europe: The Case for a Stronger Base in Eu Law*. London: European Institute, London School of Economics and political science, 2012. 46 p.
20. Vershinina O.V., Moskvitin G.I. Basic aspects of financing of the modern sphere of education of the Russian Federation. *Vestnik rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: chelovek i obshchestvo=Vestnik of Russian New University. Series Human and Society*, 2019, no. 1, pp. 3–7. DOI: 10.25586/RNU.V9276.19.01.P.003 (in Russian).
21. Dezhina I.G., Kliucharev G.A. Secondary professional education for an innovative economy. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 2019, no. 1, pp. 120–138. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.560 (in Russian).
22. Qandil A., Abdel-Halim H. Distance e-learning is closer than everybody thought: A pharmacy education perspective. *Health Professions Education*, June 2020, pp. 2–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hpe.2020.05.004>
23. Krishnamurthy S. The future of business education: A commentary in the shadow of the COVID-19 pandemic. *Journal of Business Research*, 2020, vol. 117, pp. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.034>
24. Sălceanu C. Higher education challenges during COVID-19 pandemic: a case study. *Revista Universitară de Sociologie*, 2020, no. 1, pp. 104–114.
25. Rizun M., Strzelecki A. Students' acceptance of the COVID-19 impact on shifting higher education to distance learning in Poland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, no. 17, pp. 1–19.
26. Aleshkovskiy I.A. et al. Russian university students about distance learning: assessment and opportunities. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii=Higher Education in Russia*, 2020, vol. 29, no. 10, pp. 86–100. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100> (in Russian).

27. Anderson T., Rivera-Vargas P. A critical look at educational technology from a distance education perspective. *Digital Education Review*, 2020, no. 37, pp. 208–229.
28. Leonidova G.V. et al. Problems and prospects of distance learning in the estimates provided by teachers and schoolchildren’s parents. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12 (in Russian).
29. Smeyers P., Depaepe M. *Educational Research: The Educationalization of Social Problems*. Springer, 2008. 247 p. DOI: 10.1007/978-1-4020-9724-9

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Basova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: elbas@yandex.ru

Marianna N. Rassadina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Teacher, Vologda Institute for Law and Economics at the Federal Penitentiary Service of Russia. 2, Shchetinin Street, Vologda, 160002, Russian Federation; e-mail: mrassadina@mail.ru